

И Инь не смел и думать о дальнейшем. Прибыв во Дворец Юнфу, он стремительно спрыгнул с повозки и помчался внутрь, оставив сопровождающих далеко позади.

— Папочка, папочка...

Он звал отца, направляясь напрямиком в покои Вэй Чжао. Однако у кровати собралось слишком много людей, и из-за юного возраста и слабости ему не удалось пробиться сквозь толпу.

Вэй Су, увидев И Иня, пришел в ярость. Он заявил, что Вэй Чжао так сильно заботится о нём, и если Вэй Чжао умрёт, то И Инь должен будет последовать за ним, чтобы увековечить их отцовскую и сыновнюю привязанность. Потрясённый И Инь прорвался через живую стену и бросился на Вэй Чжао.

— Папочка, это я, А-Инь, я пришёл. Проснись скорее, хорошо? Папочка, у-у-у...

«Если ты не проснешься, твой сын погибнет», — слова И Иня и его мысли не совсем совпадали.

И Инь боялся не смерти, а того, что Вэй Чжао может умереть. Прожив после возрождения почти год, он понял, что в этом мире только Вэй Чжао действительно ценил его больше собственной жизни. Он не мог потерять Вэй Чжао. Если тот умрёт, он тоже не захочет жить.

Цзи Вань, тревожась о болезни сына, не обратила особого внимания на внезапно появившегося внука. Зато Вэй Мин и принцесса Юанькан по очереди обняли И Иня, мягко успокаивая его: Вэй Чжао обязательно поправится.

И Инь сел у кровати Вэй Чжао, крепко сжимая его горячую правую руку. В Фуэй они прошли через столько страданий, и Вэй Чжао всё вытерпел. Не было причины сдаваться теперь, когда они вернулись в Великую Янь, в место, о котором он так мечтал.

Возможно, напуганный угрозами Вэй Су, Вэй Чжао наконец очнулся на четвёртый день после полудня. Цзи Вань и принцесса Юанькан заплакали от радости, Вэй Мин тоже был взволнован. Только Вэй Су сохранял видимость спокойствия, хотя дрожащие руки под рукавами выдавали его истинные чувства.

И Инь, увидев, как Вэй Чжао медленно открывает глаза, сначала не поверил, потёр их, а затем осторожно бросился к нему, обнимая и рыдая:

— Папочка, пожалуйста, больше никогда не болей, у-у-у...

Вэй Чжао чувствовал себя настолько слабым, что даже шевельнуть пальцем было трудно. Он потерся щекой о щеку И Иня и с усилием произнёс:

— А-Инь, папочка обещает.

Затем он перевёл взгляд на Вэй Су и других, стоящих позади И Иня, и слабым голосом добавил:

— Отец-император, мать-императрица, ваш сын был непочтителен, заставил вас волноваться. Брат, сестра, брат Фэйли, спасибо вам за труды. Это всё я... Кх-кх...

Вэй Мин, видя, как он тяжело кашляет и задыхается, поспешно сказал:

— А-Чжао, не говори, мы понимаем, что ты хочешь сказать.

Он приказал немедленно вызвать лекаря.

Вэй Су бросил на Вэй Чжао сердитый взгляд, отмахнулся рукавом и произнёс:

— Раз знаешь, что был неправ, в будущем, прежде чем говорить или действовать, думай как следует.

С этими словами он удалился.

Цзи Вань поклонилась:

— Ваша слуга провожает Ваше Величество.

Слова Вэй Су означали, что он больше не будет взыскивать за этот проступок.

Вэй Мин, Вэй Чжао, Цзюнь Фэйли и принцесса Юанькан хором произнесли:

— Ваш сын провожает Ваше Величество.

И Инь моргнул, подумав, что церемонии в Великой Янь слишком сложны.

Люй Тао прибыл быстро. Последние несколько дней, беспокоясь о болезни князя Цинь, он был измотан и почти не спал, глаза его ввалились. Он боялся, что если с князем случится непоправимое, император разозлится и казнит его.

Теперь, увидев, что Вэй Чжао очнулся, Люй Тао был счастливее всех. Пощупав пульс Вэй Чжао, он радостно сообщил:

— Доложу Вашему Величеству, Вашему Высочеству наследному принцу, Вашему Высочеству князю-консорту, Вашему Высочеству принцессе: болезнь князя Циня неопасна, ему нужно лишь спокойно восстанавливаться.

Вэй Мин хотел задать вопрос, но Вэй Чжао тихо сказал:

— Главный врач Люй, в моём теле всё ещё есть тайное снадобье из Фуюй, блокирующее мою силу. Сможешь ли ты его развеять?

В резиденции князя Чаннина Вэй Чжао не мог вызвать придворного врача, поэтому отложил этот вопрос.

Люй Тао ответил:

— Доложу Вашему Высочеству, князю Цинь, ваш слуга не силён в этом, прошу прощения. Однако у главного врача Чэня есть ученик по имени Чжуан Юй, который искусен в этом деле. Когда Ваше Высочество поправится, можно вызвать его для осмотра, но сейчас это неподходящее время.

Вэй Чжао кивнул, показывая, что понял.

Вэй Мин улыбнулся:

— А-Чжао, не спеши, сначала восстанови здоровье, а тогда что только ни сделаешь.

На самом деле, корень болезни Вэй Чжао было невозможно устранить. Тщательное лечение

лишь не сократило бы его жизнь.

Цзи Вань, видя усталость на лице Вэй Чжао, сказала:

— Наследный принц, Фэйли, Юанькан, у вас есть свои дела, можете идти. А-Чжао тоже нужно отдохнуть.

Трое согласились и вышли.

Вэй Чжао проводил их взглядами и обратился к императрице:

— Мать, возвращайтесь и вы во дворец. Не утомляйте себя ради сына.

Цзи Вань улыбнулась:

— Мать не устала. Если ты устал, спи, мать побудет рядом.

Шесть лет она не видела сына и не могла насмотреться.

Вэй Чжао не смог переубедить императрицу, поэтому похлопал И Иня по спине и напомнил:

— А-Инь, ты ещё не поздоровался с бабушкой. Поторопись...

И Инь повернулся к Цзи Вань:

— Здравствуйте, бабушка.

Цзи Вань кивнула, улыбнулась, но ничего не сказала. Её чувства к Иню были сложны, и она не знала, как себя с ним вести.

Вэй Чжао извинился:

— Мать, А-Инь не знает придворного этикета...

Видя, что сын даже не поклонился императрице, Вэй Чжао был в недоумении. Кажется, он забыл, что И Инь не поклонился и императору.

Цзи Вань не придавала этому значения, сказав, что ребёнок ещё мал, а правилам научат со временем. Она поторопила Вэй Чжао отдохнуть. Вэй Чжао действительно устал и вскоре заснул, оставив И Иня и императрицу наедине.

Пока Вэй Чжао болел, Цзи Вань и Вэй Мин каждый день бывали в Дворце Юнфу. Принцесса Юанькан, жившая за пределами дворца, также навещала их каждые несколько дней. Цзюнь Фэйли несколько раз приходил с детьми.

У Вэй Мина было трое сыновей и дочь. Старший сын Вэй Сюань, тринадцати лет, старшая дочь Вэй Коу, десяти лет, второй сын Вэй Лань, восьми лет, и младший сын Вэй Мао, пяти лет — все дети Цзюнь Фэйли. В Дворец Юнфу он привёл старших, Вэй Сюаня и Вэй Коу, не взяв Вэй Ланя и Вэй Мао, сославшись на то, что младшие слишком шустрые и только помешают Вэй Чжао отдохнуть. Он решил привести их позже, когда Вэй Чжао поправится, чтобы они могли поиграть с И Инем.

Вэй Сюань и Вэй Коу были добрыми и мягкими по характеру. Цзюнь Фэйли также был вежлив и учтив. И Инь остался под хорошим впечатлением от семьи наследного принца, а вспоминая

их трагическую судьбу в прошлой жизни, он испытывал горечь.

По мере улучшения состояния Вэй Чжао вопрос о новом имени для И Иня был поднят. Вэй Чжао придумал иероглиф «Жун», который соответствовал поколению, имел хороший смысл и ещё не использовался.

Однако министр по делам императорского рода не согласился, заявив, что происхождение маленького внука императора неясно, поэтому нельзя использовать иероглиф с травяным ключом. Вэй Чжао наотрез отказался, настаивая на «Жун». Дело дошло до Вэй Су, который решил, что И Инь отличается от других, и имя должно быть особенным.

Тогда Вэй Мин выступил посредником: оставить «Жун», но добавить перед ним иероглиф «Чун». Вэй Чжао и министр пошли на компромисс, и новое имя И Иня было утверждено.

«Вэй Жун» превратился в «Вэй Чунжун», что сильно огорчило Вэй Чжао. В Великой Янь императорская семья и знатные роды всегда считали односложные имена более почётными, а двусложные — унижительными.

В эпоху династии Шэньчуань, предшествовавшей Великой Янь, различие между законными детьми и отпрысками наложниц было особенно строгим. Законные дети получали односложные имена, незаконнорождённые — двусложные. Это правило соблюдалось сотни лет, и даже дети императора не были исключением.

Однако в середине и конце правления Шэньчуань сама императорская семья нарушила это правило. Разве может быть кто-то знатнее императора? Но если император будет носить двусложное имя, разве это не посмешит людей?

Поэтому императоры Шэньчуань, не являвшиеся законными наследниками, первым делом после восшествия на престол меняли имена, убирая лишний иероглиф.

Позже императоры стали давать односложные имена не только законным детям, но и детям любимых наложниц. А затем и вовсе уравнивали всех, давая односложные имена всем императорским детям.

Что наверху принято, то внизу подражают с ещё большим рвением. Мода давать всем детям односложные имена охватила весь высший свет. Семья Вэй, будучи родом знатным, также следовала этому правилу, поэтому ни один из потомков Вэй не носил двусложного имени.

Из-за имени «Вэй Чунжун» Вэй Чжао хандрил несколько дней. Почему его сын должен носить имя, отличное от других?

Конечно, у Вэй Чжао был выбор. Если бы он не стал использовать иероглиф с травяным ключом, Палата по делам императорского рода не возражала бы против односложного имени для И Иня. Но тогда И Инь не вписался бы в родословную, и двусложное имя было всё же лучше.